

Несколько лет назад имя Людмилы Кошиль было известно всем летчикам страны, ибо она была единственной женщиной-вертолетчиком, а вот фамилия ее отца Алексея Жильцова знакома немногим, он работал в бригаде первооткрывателя Самотлорского месторождения Григория Норкина. Норкин открывал задвижку, наполняя черным золотом первое нефтеналивное судно. Об этом событии и написала Людмила Алексеевна:

– Учебный год в школе заканчивался, занятия проходили только в выпускных классах. После консультации учительница Анна Лосева объявила: "Завтра всем классом едем на Баграс".

Ранним холодным утром школьники подошли к конторе экспедиции, там уже собрался народ. Из разговоров стало понятно: все едут на митинг по поводу отправки первой баржи с нефтью. В каюте одноклассники разговорились. В тот момент нас волновало одно – куда пойти учиться: в Мегионе была лишь восьмилетняя школа. Сашка Рудольф категорично заявил:

– Никуда не поеду. На промысел пойду работать вместе с отцом.

– Я пойду на буровую к дяде Грише, сестра уже договорилась, – добавил Колька Геничев.

– Жаль, нет десятилетки в Мегионе, придется ехать в Нижневартовск. Мои хотят, чтобы я в Тюменский нефтяной институт поступал, – поддержал разговор Валерка.

Через несколько лет многие из нас станут известными нефтяниками, и на их счету будет не одно открытое месторождение.

...Нас с сестрой привезли на Баграс в августе 59-го года. Маленький поселок, несколько бараков, рядом буровая. Баграс не мог обходиться без медика. Мама была опытным фельдшером. Отец приехал позже, на двух неводниках доставил корову Зорьку и наши вещи. Путь был неблизким, по трем рекам – Ваху, Оби, Баграсу, все удивлялись – как он справился. Устроился работать верховым рабочим в бригаду Норкина. Скважину начали бурить 19 сентября 1959 года.

Поселок жил жизнью буровой, а случалось всякое. В тот год осень выдалась холодной и ранней. Реку быстро сковал мороз, и баржа, на которой везли оборудование, вмерзла в лед. Катер не смог дотянуть ее до берега, она осталась посреди реки. Работа на буровой могла остановиться. К нам домой пришел Норкин, о чем-то поговорил с отцом. На следующий день отец запряг собаку Соболько в легкие нарты и по хрупкому льду пробрался до баржи. Буровики вышли на берег и смотрели, как отец загрузил долото в нарты. Собака, скользя лапами по льду, потянула их. Лед трещал, гнулся, но не ломался. И только у самого берега стал проваливаться. Отец быстро выскочил на берег. Общий вздох облегчения вырвался у наблюдающих. Буровая не встала. Чтобы она работала, надо было много раствора. Каким бы уставшим не приходил отец после ночной смены – поспит немного и снова идет носить мешки с цементом для раствора, который буровики делали сами между сменами.

Весной, когда бурение приходило к концу, случилась авария – прихват бурильного инструмента. Как на грех, Григорий Иванович в это время сломал ногу. На костылях, в гипсе, мастер не покидал буровой, пока та не заработала. За упорный труд всегда, рано или поздно, приходит вознаграждение. Солнечным мартовским утром в сопровождении нашей учительницы Нины Богатой Норкин пришел в школу.

– Дети! Сегодня наша буровая дала нефть! Я вас всех поздравляю! – он сказал это так, будто и мы имели отношение к нефтяному фонтану.

Занятия по такому случаю отменили. И весь поселок собрался на буровой. Забавно было наблюдать, как наши отцы мазали друг друга черной жидкостью. Она вырывалась из трубы. Это был настоящий праздник, он продолжился в клубе с баяном и шампанским, которое привез на самолете Фарман Салманов. В Тюмень полетела радиограмма, извещающая об открытии месторождения.

"Скважину Мегионскую-1 19 марта простреляли в интервале 2 175–2 178 метров. 20 марта понизили уровень на глубину 480 метров. Дебит нефти по записи в коллекторском журнале составил 288 кубометров в сутки, то есть одна бочка емкостью в 200 литров заполнялась 1 минуту. 23-го устье оборудовали фонтанной арматурой, сделан двухдюймовый отвод – длиной около 90 метров. От устья на конце отвода установлен прибор, срабатывая, он определяет нефть и газ, воды нет. Салманов, Савельев". Вот почему я с радостью ехала на Баграс: мне нестерпимо хотелось увидеть родные берега. Обогнули мыс – там, где раньше была буровая, стоял серебристый резервуар.

К берегу было пришвартовано много катеров, среди них выделялся красавец "Мегион", на котором ездило начальство экспедиции. У временного причала стояла баржа, соединенная с резервуаром длинным шлангом. Славка Гузь со знанием дела закричал:

– Смотрите, наливнушка стоит, нефть закачивают!

С высокого берега было хорошо видно, как возле наливнушки разрезали красную ленту. А Григорий Норкин в своей неизменной фуражке открывал нефтяную задвижку им же пробуренной скважины. Наш классный руководитель сокрушалась:

– Эх! Цветы бы вручить!

– Так давайте черемухи наломаем, вон ее сколько здесь! – быстро предложила я.

На трибуне много приглашенных и почетных гостей, среди них я сразу выделила Салманова, Абазарова, Норкина. Остальных тогда еще не знала.

– А вон мой папка стоит! – сказал Сашка Рудольф. – Рядом с ним главный инженер Арнапольский.

Оратор вышел вперед и произнес:

–Товарищи! Сегодня, 5 июня 1964 года, в 12 часов закончен налив баржи нефтью самого восточного месторождения Тюменской области. Судно отправляется на Омский нефтеперерабатывающий завод. Взрыв аплодисментов: "Ура! Ура!"

– Пора, – сказала Анна Степановна, и школьники с черемухой побежали на трибуну. Я кинулась к Норкину. Вдруг народ оживился:

– Смотри, сам Эрвье говорить будет.

К краю трибуны подошел незнакомец в берете, резко выделяющийся интеллигентной внешностью, и заговорил без бумажки. Слышно было плохо, началась настоящая метель. Из сказанного можно было понять, что Эрвье всех благодарит и желает открытия новых месторождений. Его пожелания исполнились уже через год. Вскоре Норкин открыл новое месторождение. Целый месяц на двух тракторах восемь "норкинцев" пробирались к месту новой буровой, а находилась она на берегу озера Самотлор. Так начиналась первая нефть...